

Чудачка

Автор:

Юлия Фирсанова

Чудачка

Юлия Алексеевна Фирсанова

Прозвища бывают разные: обидные, меткие, классные. Случается, прозвище становится судьбой. И похоже, странную девушку по имени Надежда и по фамилии Последняя окрестили чудачкой не зря.

Если все в мире видится через призму цветов, запахов и вкусов, сложно притвориться обычной. А уж когда в жизни и с жизнью начинают происходить самые настоящие, пусть и немного страшные чудеса, то быть как все и вовсе оказывается невозможно. С какими потрясающими личностями сводит судьба, какие волшебные задачи подкидывает и в какие приключения втягивает! А вдруг Последняя Надежда действительно окажется чьей-то последней надеждой?

Юлия Фирсанова

Чудачка

Моим любимым дочуркам Элине и Елене посвящается

Пролог

Тост и предложения

На кухне одной обычной пятиэтажки

– Как Надька твоя вышку окончила-то?

Шел второй час обстоятельного женского разговора двух подруг. И что с того, что встречались они раз в полгода, а не созванивались по паре месяцев? От этого дружить не перестанешь, если есть родство душ, если на соседних горшках в детском саду сидели и умудрились пронести симпатию сквозь годы. Бывало всякое: ссорились, отбивали друг у друга поклонников, случайно рвали или сажали пятна на взятые поносить вещи. Но горшки, с которых все начиналось... Это такое дело, что на их фоне шмотки и мужики (которые конечно же все козлы) не котируются.

Вера Анатольевна Последняя и Нина Игнатьевна Корочкина сидели на кухонном диванчике, прихлебывали ликер «Бейлиз» (опустевшая бутылка кагора уже стояла у ножки стола). Закусывали спиртное сыром, шоколадными конфетками «ассорти» и трюфелями. Женщины периода «к сорока» и «чуть за сорок», очень неплохо сохранившиеся, трепались обо всем на свете. Зашла речь и о дочери Веры.

– Надежда? – Вера качнула рюмочкой и удивленно хмыкнула. – С красным дипломом вышла.

– Надька-а? – всерьез удивилась Нина и поправила на переносице очки.

– Сама в шоке, – гордо согласилась подруга. – В школе с тройки на четверку едва переваливалась, а тут нате вам. Но ты же знаешь мою, она всегда была...

– С прибабахом, – с пьяной прямоотой вставила Корочкина.

– Сейчас говорят «с нестандартным мышлением», – погрозила подруге пальцем Вера. – Я спросила у нее, чего так хорошо-то получилось, а она ответила, что в школе все время требовали подробно расписывать, как решаешь. А она не может, потому что цифрами это не расписывается, но ответ-то видит верный. А в ВУЗе от нее с вечными «как» отстали, когда поняли, что не списывает, – и пятерки пошли.

– Молодца! У меня тост! – провозгласила Нина. – За Последнюю Надежду!

– Все остришь, – незло хмыкнула Вера. – А вот выпьем! За дочку мою! За Последнюю Надежду!

Рюмочки звякнули, конфетные фантики зашуршали. Нинка же спросила:

– Устроила ее куда?

– А, – досадливо отмахнулась Вера. – Пока Мироедова в отпусках, помогает мне с сортировкой бумаг для архива. Знакомых прозвонила. Сейчас, сама знаешь, все хотят молодых, но с опытом. У Надьки пока даже трудовой нет. А чего, к вам ее хочешь взять?

– У нас же Степаныч, – со вздохом напомнила Нина, откинувшись на спинку диванчика. – От него и мужики-то с железными нервами бегут, если не ко двору пришлись. Секретарей с той поры, как Ольгуня, его племяшка, со своим военным по переводу в Сибирь укатила, каждые три месяца меняем. Точно прокладки в бракованном кране. Хотя... Слушай! Если твоей Надьке только трудовая нужна... – оживилась кадровичка. – Так я ее возьму – Бибиков Леонид как исполняющий обязанности приказ о приеме подмахнет запросто. Пару недель потрется, Степаныч из отпуска выйдет, разок-другой наорет, сама сбежит. Зато какой-никакой опыт работы и трудовая будут. Ну как, годится?

– Чего ты у меня-то спрашиваешь? Надо у нее узнать. – Вера встала, подошла к двери и крикнула: – Надь, к тете Нине работать пойдешь?

Минуту-другую было тихо, а потом раздался звонкий голос:

– Пойду! – и из комнаты выглянула худышка с блеклыми сероватыми волосами, наглой россыпью веснушек на длинноватом носике и забавно оттопыренными в верхней части раковины ушками. Походила она скорее на какого-то зверька, по недоразумению ставшего человеком, чем на обычную девушку. Красавицей Надю никто не называл бы и спяну, но ничего отталкивающего в ее внешности не было. Она просто выглядела иначе.

Не может быть дерево подобно человеку и не стоит растению равняться на людей. Другое оно! Вот так и Надежда Викторовна Последняя к категории хомо сапиенс принадлежала с большой натяжкой просто потому, что никаких иных «сапиенсов» на Земле не водилось уже миллионы лет. А она почему-то появилась. К добру ли, к худу – кто ведает?

Надька и сама давно поняла, что не похожа на других. Поначалу думала, ей только кажется и все притворяются, что не видят и не чувствуют так, как она. Потом, когда догадалась, что не шутят, недоумевала, почему все остальные – не такие? К счастью, мама Вера смеяться, таскать ее по врачам или пытаться сделать из дочери нормальную не стала, в отличие от папы. Виктор выходок дочки не выдержал и сбежал, когда той едва минуло полтора года, оставив им небольшую трехкомнатную квартиру.

Так и росла Последняя Надежда под крылышком у матери, которая, как только уяснила, что дочка понимает слова, сказала: «Надюшка, быть как все любой дурак сможет. А тебе на роду иное написано! Будь собой!»

Позиция ли матери или собственный слегка флегматичный склад характера помогли, но Надежда себя моральным уродом не считала. Приняла свою инаковость с легким сердцем. Нет, как флагман на баррикадах не размахивала, но почти гордилась школьным прозвищем «Надька-чудачка». Ей казалось естественным видеть вкус и запах в цвете, воспринимать речь и всех окружающих картинками-образами, а любые решения, от рецепта супа до математической задачи, искать в сплетениях ассоциаций-символов. Ну и пусть чудачка, зато ей было ужасно интересно жить!

Спустя полгода

Степаныч, он же Гаврилов Геннадий Степанович – генеральный директор и по совместительству единственный (пятьдесят процентов у супруги) акционер одной весьма крупной производственной фирмы, хитро, с превосходством поглядывал на друга. Вадим же пытался уместиться в кресле с явным недоумением на лощеной физиономии.

Поерзав и расстегнув одну пуговицу на пиджаке, он заговорил первым. Не выдержал!

– Это и есть твое сокровище – Наденька? Ген, я все, конечно, понимаю, о вкусах не спорят, но у нее не то что взглянуть, даже подержаться не за что. Неужто в делах такая профи?

– Сейчас, погоди, – подмигнул Степаныч.

Дверь в кабинет приоткрылась. Внутри скользнула худенькая фигурка с подносом. Беззвучно встали на столешницу чашки. Одна с крепким кофе без сахара, вторая с чашечкой подогретых сливок, третья с зеленым чаем, распространяющим аромат бергамота. Чаем не из висельника-пакетика, а хорошо заваренным листовым. Рядом легла папка с бумагами, и странная девушка растворилась за дверью.

Степаныч с видимым удовольствием пригубил чай, Вадим задумчиво поглядел на свои чашки. Именно так он и предпочитал пить кофе, доливая горячие сливки по вкусу.

– Ну... инструкции она у тебя хорошо исполняет, – долив толику сливок и сделав первый глоток, нехотя согласился собеседник. – Но все же...

– Я ничего ей не говорил, вообще не предупреждал, что сегодня возвращаюсь из командировки, она у меня по завтрашнее число, – небрежно бросил Степаныч.

– Значит, слушать и собирать информацию хорошо умеет, – поставил очередной плюс странной секретарше Вадим. Но некоторое пренебрежение человека, который внешнюю эстетику ценит не меньше внутреннего содержания, в интонациях мужчины чувствовалось.

– И не сообщал никому, что с тобой в офис подъеду, – добил собеседника Гаврилов.

– Тогда как? – вскинул брови в легком изумлении Вадим и почесал когда-то перебитый нос.

– Не знаю, но я Надьку ни на кого не променяю! Видел бы ты, как она Ерофеева из офиса вытурила! – Степаныч мечтательно прижмурил глаза. – Сказка! И ведь ни единого грубого слова! Только чай с мелиссой, кокосовые печенья и ангорский свитерок!

Вадик поспешно поставил чашку с кофе на стол и согнулся от хохота. Так тонко ударить по невозможно прилипчивому жулику-аллергику, ухитрившемуся нагреть старых приятелей на нехилую сумму, – о, это надо было суметь!

– Где ты ее такую откопал? – отсмеявшись, выдал вопрос старинный друг.

– Нинка, кадровичка моя, у знакомых отыскала, – раскололся Гена.

– Там еще такой красотули не завалялось? – небрежно уточнил Вадим.

– Нет, Надька одна такая, – гордо задрал нос обладатель уникальной помощницы. – Да и я хорош жук – поначалу-то тоже не понял, какое сокровище захапал. Орал на нее, думал, уйдет. А она мои вопли выслушает, кивнет и сделает как надо. Не как я просил, а как надо, Вадь! Я ей велел договор срочный отправить, а она забыла. Так на следующий день такое о партнерах узнал, что хоть самому за курьерами беги, бумаги перехватывай. Иначе потом на судах разоришься! А она его не отправила! Тогда я ей первую премию wypисал и орать перестал. Да и не действует на нее ор. Ты вопишь, а она на тебя как на пса брехливого смотрит – с эдаким задумчивым интересом. Самому неловко становится. Бухи ее обожают. Как какой отчет не сходится, они ей пачку на стол: «Надь, где ошибка, глянь?» Она им пальцем наугад куда-нибудь тыкнет – бегут пересчитывать! И ведь ни разу не ошиблась!

– Повезло тебе, – с откровенной завистью резюмировал собеседник, чей секретарь хоть и обладала модельными формами и двумя корочками о высшем образовании, столь выдающимися сверхъестественными талантами похвастаться не могла.

Глава 1

Странный презент

Уютная приемная, наполненная тихим жужжанием офисной техники, содрогнулась от грохота входной двери, синхронного гула медной чеканки над притолокой и громовых раскатов начальственного голоса:

– Надюшка, я вернулся!

– Добрый день, с приездом! – улыбнулась Надя шефу, не поднимаясь из-за стола и не прекращая подкалывать в папку свежие договоры, поступившие от клиентов и подрядчиков.

– А чай, Надюш? – обиженно надул губы мужчина, видя, что ассистентка не спешит ему навстречу.

– На столе, еще горячий! И печеньки соленые поставила, папка с документами на подпись – слева. Там то, что срочно. В лотке вторая. Может подождать, – отчиталась девушка, продолжая педантичную упаковку договоров в файлы и папки.

Степаныч довольно хмыкнул:

– Отлично! – и, шлепнув портфель на край стола помощницы, защелкал замком. – Тогда держи маленький сувенир от немецких буржуев! Будешь им минералку открывать!

Шеф запустил руку в портфель и хлопнул на стол, прямо на файл с контрактом миллионов эдак на тридцать, серый комок грязи, засохшей до состояния бильярдного шара.

Надя заинтересованно скосила глазки на «подарок», приподняла одну бровку и констатировала:

– Спасибо, Геннадий Степанович, но я не уверена, что справлюсь с открыванием бутылок этим...

– Почему? – удивился шеф, только теперь опустил взгляд на стол и ругнулся. В переводе с истинно русского языка производственников это значило: «Че за

фигня?»

Похоже, начальник вовсе не собирался презентовать Надежде окаменевший прах земли немецкой.

Продолжая сердито пыхтеть, босс вторично запустил пятерню в портфель и вытащил маленький красивый пакетик с фирменным логотипом. Лично открыл и достал-таки из него не новый тяжелый образец зарубежной почвы, а брелок-открывашку с видами городов, красиво упакованный в коробочку с прозрачным верхом. Следом показалась на свет картонка с фирменным шоколадом.

– Ума не приложу, как эта дрянь в пакете очутилась? Если только... Ну конечно! То-то у моего кресла в зале ожидания какой-то хиппи вонючий крутился. Дреды на башке, травкой пахивал. Его работа! Ну попадись он мне где! – Крупный кулак шефа сжался, наглядно демонстрируя перспективы награды для шутника. – Отправь, Надюшка, эту дрянь в мусорку! Вдруг заразно? Хорошо еще, ты все в файлах держишь, бумаги не запороли!

Бурча себе под нос что-то о долбанутых укуренных придурках, Степаныч потопал в рабочий кабинет. Надя осторожно потрогала пальчиком комок грязи. Почему-то ей совсем не хотелось его выбрасывать. Не может комок противной грязи сыпать сиреневыми искорками и приятно греть руку! Положив неизвестный объект в пустой файл вместо пакета, девушка спрятала его в нижний ящик стола, чтобы хорошенько рассмотреть в конце рабочего дня. А шоколадку распечатала и оставила на краю стола. Пусть любой желающий угостится! Правда, для мамы кусочек отломала, завернула в салфетку и убрала в сумочку. Вдруг ей интересно попробовать?

Едва спрятала загадочный заграничный презент, забулькал селектор, посыпались привычные задания от Степаныча: соедини, распечатай, вызови на ковер и так далее, и тому подобное...

Серый комок грязи ни сразу, ни потом на помойку не отправился. Надя привычно проигнорировала ложное указание шефа. Файл со странной зарубежной землей пролежал в ящике все семь часов. Девушка дождалась конца рабочего дня, когда семейный народ разбежался по магазинам и домам, а молодежь отправилась гулять, ловя последние теплые деньки. Тогда-то чудачка и приступила к реализации задуманного. Засохшую корку грязи Надюшка

раздолбила молотком из подсобки на старом рекламном проспекте прямо на полу за своим креслом. Корка раскололась, как скорлупа ореха, выпуская странное содержимое. Его девушка осторожно отмыла в раковине под теплой водой.

Теперь Надежда вместо того, чтобы ужинать дома с мамой, сидела за столом и крутила в пальцах теплый, приятный на ощупь предмет. Для нее он мягко переливался фиолетовым. Для всех остальных, к чему давно уже привыкла Надя, безделушка, скорее всего, от заурядной поделки не отличалась. Обычная побрякушка, каких в любом сувенирном магазинчике масса.

В вечерней тишине приемной девушка любовалась подвеской из темного металла. Кинжал, прялка или большая игла – непонятно, что именно, – вплавленная в солнце с танцующими протуберанцами лучей. Символы сплетались воедино столь органично и так естественно перетекали один в другой, что невозможно было представить украшение без этой целостности.

Теплый светящийся металл, слишком тяжелый для серебра, уютно лежал на ладони, и пребывание его на сомкнутых пальцах казалось удивительно уместным и правильным. А еще более правильным, как ощутила Надежда, стало бы другое. Девушка расстегнула цепочку с черепашкой из серого кошачьего глаза и прицепила на нее «солнечное веретено-иглу». Тяжелое украшение легло на грудь, принося чудесное умиротворение. Рядом или где-то в невообразимом далеко раздался умиротворенный, удивительно единый и разноголосый вздох, слившийся со вздохом Нади:

– Наконец-то ты нашлась!.. – Отыскалась!.. – Явилась!..

Неизвестные говорили одновременно, но не по отдельности, создавая шум и перебивая друг друга, а вместе, дополняя и поддерживая почти музыкальные партии отдельных голосов – как различные инструменты в оркестре.

– Я не терялась, – резонно возразила девушка, никогда не блуждавшая даже в лесу у дачи, не то что на городских улицах. Она всегда знала нужную дорогу, даже если впервые оказывалась в незнакомом месте. Видеть путь и знать местность – это ведь совершенно разные разности. Но даже любимая мама ничего не могла понять из объяснений дочки. Хорошо хоть не считала чокнутой и принимала такой, какой Надя была.

– Нашлась для нас, – последовало единодушное хоровое уточнение с последующим, распавшимся на разные, одновременно звучащие голоса, продолжением: – Ты согласна работать на нас?.. – Ты принимаешь свой путь?.. – Служение?.. – Судьбу?..

– А можно подробности? – уточнила Надя, скорее ради того, чтобы продлить ощущение льющегося на нее тепла и радужного света, нежели потому, что ее действительно интересовали какие-то фантастические подробности беседы с незримым, но осязаемым собеседником.

Впечатление противоречия при этой беседе приятно щекотало нервы. С одной стороны, Надя была уверена, что с ней беседует кто-то один, и в то же время ее не покидало ощущение множественности собеседников.

Девушка любила удивляться, любила все необычное. Будь иначе, давно бы сошла с ума от собственной инаковости.

– Мы прозреваем многое, но не все. И иной раз множественность путей, являющаяся взору, не позволяет сделать наилучший из выборов. Ты, Плетущая Мироздание, чудом выросшая в закрытом мире без магии, где нет доступа к струнам ткани миров, открыла свою суть иначе. Ты способна видеть сквозь Великое Полотно Творца и прозревать тот самый... – Оптимальный!.. – Гармоничный!.. – Удачный!.. – Наилучший! – Верный!.. – ПУТЬ!!!..

Все эти слова-перечисления опять прозвучали одновременно, словно голос говорившего распался на несколько разных голосов или они, эти голоса, сказали одно слово, вобравшее в себя все значения и смыслы происходящего. Только слово «путь» голоса произнесли вместе – а вернее, они опять стали одним голосом.

– Значит, вы меня зовете куда-то на работу? – удивилась девушка, машинально поглаживая теплую светящуюся вещицу, подарившую ей беседу со странным созданием.

– Мы... да... зовем... – Предлагаем... – Идти никуда не надо... – Ты все увидишь и здесь... – Твой старинный знак с крупницей силы из магических миров открыл нам доступ к тебе... – Тебе – дорогу к этой силе... – Сотворил мост...

– Если никуда не надо идти, то как я смогу работать на вас? – вполне здраво уточнила Надя.

– Мы попросим... – Покажем... – Ты увидишь и расскажешь нам о том пути, который выбрала. Мы верим... – Знаем... – Не сомневаемся... – Голоса опять разделились и зазвучали одновременно раздельно и в унисон. – Что ты выберешь... – Подскажешь нужный...

– Я даже законов ваших не знаю. А вдруг выберу что-то лучшее, но преступное? – засомневалась Надя.

– Мы найдем законника, – на миг озадачились и тут же просияли от сознания собственной гениальности собеседники.

– Тогда я согласна, – просто согласилась девушка на авантюрное предложение неизвестных. – Только вы сами кто?

– Мы? – недоуменно моргнуло пространство и снова засветилось. – Мы Силы Двадцати и Одной! – Мы не подумали! – Ты из закрытого мира! – Ты не знаешь. – Мы покажем! – Смотри!

И голова Надежды взорвалась вихрем красок, звуков, энергии и болью сознания, хоть и привычного к необычности восприятия владелицы, но никогда еще не подвергавшегося давлению такой интенсивности. Когда буря в голове после вечности мучений улеглась, Надька обнаружила, что валяется на полу рядом с любимым креслом на колесиках, и кто-то далеко, на периферии слышимости, жалобно завывает:

– Мы не знали!.. – Мы не подумали!.. – Мы не рассчитывали!.. – Надо было быть осторожнее!.. – Уменьшить ширину канала...

– Я так и поняла, – кряхтя, согласилась Надя и тут же сморщилась, когда в ее голове радостно завопили:

– Она очнулась! – Пришла в себя! – Она в порядке!

Голова снова едва не раскололась напополам от криков... Сил. В этот миг девушка поняла: что бы ее новые знакомые ни делали, но своим непродуманным «покажем» они разом впихнули в ее голову громадный массив новой информации. Чего тут только не было: данные о множественности и структуре миров, организации управления в них, о массе причудливых созданий, эти миры населяющих, а не только о собственной... пусть будет личности. Если к Силам Двадцати и Одной это понятие применимо. Поскольку ее бестелесные собеседники являлись объединением пары десятков сверхмогущественных сверхсущностей, покровительствующих множеству миров, привносящих в них гармонию и развивающих таланты. В отличие, скажем, от таинственных Сил Равновесия, следящих за соблюдением баланса, или Сил Времени, регулирующих временные потоки в мирах.

Или Силы Двадцати и Одной ничего и никуда не впихивали, а просто перекинули ей от себя «кабель подключения»? Узенький с точки зрения сверхъестественных сущностей, у которых никогда не было физической оболочки, и слишком широкий для того, кто родился и рос в материальном теле в мире без магии. При всех своих то ли способностях, то ли проклятиях Надя оказалась не в состоянии безболезненно перенести процесс «втыкания штекера в разъем». Хорошо еще не сошла с ума окончательно, а лишь ненадолго выпала из реальности. Зато теперь... Пожалуй, за это новое понимание происходящего девушка готова была с легкостью простить новым знакомым их непродуманный поступок.

Поняв, что перестарались, Силы торопливо пообещали «заглянуть завтра» и откланялись. Словом, поступили точно так же, как на их месте поступил бы каждый второй из проштрафившихся людей – смылись подальше от эпицентра проблемы.

Надежда же еще чуть-чуть посидела, чтобы перед глазами даже при закрытых веках перестали плавать разноцветные круги, квадраты и иные геометрические и не очень фигуры, а в ушах исчез колокольный перезвон, смазала ушибленный локоть мазью из офисной аптечки и отправилась домой. Три квартала – не расстояние. Даже погулять толком не получится, если нарочно не идти в обход, через сквер, дворы и магазины.

Мама все равно, наверное, уже дома, и ей можно будет показать кулон и рассказать про странное знакомство. Она точно все поймет и поверит, всегда верила! Как здорово обсудить с ней потрясающую новость!

Надя шла по тротуару, помахивая сумочкой и мечтательно улыбаясь. Осенние лучики скользили по коже, уже не грея, лишь нежно глядя.

– Последняя! Эй, Надька-чудачка! Как жизнь?! Все еще радужные глюки ловишь? – Со стоянки авто перед супермаркетом драл глотку толстый краснощекий парень, по-хозяйски хлопнувший руку на капот, наверное, дорогого авто. (В машинах Надя не разбиралась совершенно. Могла отличить разве что легковушку от грузовика.)

– Я иду по радуге, а ты выцветаешь, Толик, – проронила девушка, отвечая бывшему однокласснику.

– Это кто выцветает? – Толик из неизменно румяного стал бордовым.

Молодой мужчина, настроенный привычно поиздеваться над бывшей одноклассницей, уяснил, что привычная забава не удалась. Кажется, унизил не он, а его. И вместо того, чтобы отступить или обернуть издевку шуткой, повел себя совершенно не по-взрослому. Возможно, свою роль сыграл старый шаблон поведения, толкнувший его «на подвиги».

Изо рта Толика полилась отборная брань, смысл которой сводился к сакраментальному «сама дура!».

Надя даже не оскорбилась и не расстроилась. Она давно уже привыкла не реагировать остро на подначки людей. А не то неизбежно оказалась бы в психиатрической больничке с нервным срывом. Наоборот, девушке неожиданно вспомнились старый анекдот про женскую логику скандала и фраза «сама решила, сама обиделась».

На фоне сегодняшнего волшебного явления Сил неостроумные издевки и брань бывшего одноклассника показались Надежде ничтожно мелкими и не стоящими внимания. Она заулыбалась и так, с улыбкой, зашагала дальше.

А Толя все разорялся и доорался-таки до результата. Но совсем не того, на который изначально рассчитывал. Хлопнула дверца машины, и из нее выскочила очень эффектная златовласая девица со стрижкой каре и впечатляющими формами.

Бросив кавалеру:

– Ты тут еще легкие потренируй, а я спешу! – Девушка стремительно понеслась от авто и скандалиста, выстукивая каблучками по асфальту задорную дробь.

– Люба! Стой! Подожди! Я!.. – растерянно вякнул Толя, собрался было бежать, сделал два шага, вернулся к машине, торопливо захлопнул двери, чтобы включить сигнализацию.

И безнадежно опоздал! Красотка уже скрылась за углом магазина, впрочем, как и Надежда с простой фамилией Последняя. Блондинка догнала Надю и, пристроившись рядом, заговорила:

– Привет и спасибо! Не знала, как от Толика отмотаться. Липнет хуже жвачки на юбку. А тут такой шанс подвернулся! Здорово ты его опустила! Тусклой серостью обозвала! Такой он и есть! Я, кстати, Люба! А ты – Надежда! В нашей компании только Верки не хватает!

– У меня мама – Вера, – поддержала разговор Надя, невольно заразившись энтузиазмом бойкой девицы и ее желанием общаться, отливающим ярко-желтым и пахнущим апельсинами. Попутно поняла, что в очередной раз сделала и сказала нечто, истолкованное окружающими превратно. Обижать Толика ей не очень-то и хотелось, она просто-напросто, как обычно, сказала чистую правду.

– О, блеск! – восхитилась Люба. – А фамилия у тебя – вообще закачаешься! Вот взять мою – Болотова, так ее вечно с ударением на второй слог произносят, куда ни явись. Даже в Туле, хотя у них там свой ученый с такой фамилией жил! Короче, завидую!

Для Надежды стал неожиданным сам факт зависти к ее набившей оскомину фамилии, по которой с детского сада до института не потоптался разве что ленивый. Каждый мнящий себя остроумным тип так и норовил продемонстрировать окружающим чувство юмора, сочиняя шуточки насчет Надьки.

Веселый треп ни о чем стал новым и очень приятным опытом. Раньше у Нади никогда не получалось сблизиться с кем-то настолько, чтобы можно было беспечно болтать о пустяках.

В садике, когда дети еще мало что соображают в отличиях друг друга, даже мальчиков и девочек распознают лишь по шортикам и юбочкам, Надя никак не могла понять, почему ее сверстники не видят цвета и вкуса слов, не ощущают красок живого мира так, как видит и чувствует она. Результатом стали отчуждение и дразнилки.

Надежда перестала рассказывать о себе, но было поздно. Слава фрика в небольшом городке, где число районов можно пересчитать по пальцам одной руки, а от садика до школы два квартала и все знают друг друга с пеленок, – закрепились за ней крепко-накрепко. Как Надя ни пыталась притвориться обычной девочкой, уже ничего не получалось.

Это вот приезжая Люба ничего о чудачке не слышала, потому и болтала так беспечно. Надька, наученная горьким опытом неудавшихся дружб, молчала, позволяя спутнице солировать. Лишь изредка вставляла словечко-другое.

Общительная блондинка между тем уже прочно записала молчаливую девушку если не в подруги, то в лучшие приятельницы, и нахально объявила:

– Слушай, Надь, а ты никогда не хотела покрасить волосы? Мне кажется, тебе, как и мне, светлый тон пойдет, только не золотистый, а платиновый.

– Не знаю, – наморщила носик Надежда, слегка выбитая из колеи неожиданным предложением. Причем выбитая, пожалуй, даже больше, чем недавним знакомством с бесплотными высшими созданиями.

– Не попробуешь, не узнаешь! – категорично объявила Любка. – Давай запишу тебя к хорошему мастеру. Саня – золотце, все в лучшем виде сделает! Я Сане звякну, окошко точно найдется, и на выходных кардинально поменяешь имидж! Пусть все те козлы, которые тебя не ценили, ахнут!

– Зачем мне восхищение козлов? Я не капуста, – пожала плечами Надюшка.

– Ну, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! – неугомонная Любка молитвенно сложила ладошки и запрыгала вокруг новой лучшей подруги. А в том, что ее, Надю, в эту секунду записали в данную категорию, девушка не сомневалась. Она не понимала многих совсем обычных вещей, но кое-что другое видела и

чувствовала превосходно.

В конце концов, смена цвета волос – не такая уж великая плата за настоящую дружбу. Не налысо же ее эта Саня обкорнает, ну а цвет... Не понравится, отрастут со временем прежние. Если же и налысо – Степаныч переживет, он ее за работу, а не за морду лица ценит. А мама привыкла к любым закидонам дочери. И вообще можно парик купить.

Словом, Надя дала согласие на экзекуцию, и Любка, спешащая по срочным делам, упрыгала дальше, довольная-предовольная, не преминув оставить свой телефон Надежде и вытребовать взамен ее номер.

Домой Надюшка входила, счастливо улыбаясь и мечтательно жмурясь.

– Ты сегодня такая радостная, – отметила мама.

– Много хорошего, волшебного, совсем невероятного случилось, – рассиялась солнышком Надя.

– Неужто влюбилась? – всплеснула руками Вера.

– Фу, нет, конечно, – небрежно отмахнулась Надежда. – Я познакомилась с замечательной девчонкой, ее Люба зовут.

Мама, пуганная всякими передачами о нетрадиционных отношениях и знакомая с необычностью дочери, насторожилась. Конечно, она будет любить свою Наденьку всякой, но так хотелось помянчить внуков...

– Люба Болотова предложила мне дружить. В выходные вместе пойдем в парикмахерскую, а потом гулять. Кажется, у меня будет подружка. А еще сегодня такое случилось... – Надя вытащила из-под блузки кулон и гордо продемонстрировала матери.

– В «Гармонию» заходила с подружкой? – перевела дух мать.

Ее кровиночка оказалась нормальной, а что парня хорошего до сих пор домой не привела... Так где их, хороших, найти? Через одного форменные придурки. Как-

то мама с подругой договорилась, домой дельного с виду паренька пригласила, чтобы с Надькой познакомить. И что? Ничегошеньки не вышло. Это любой другой можно красивыми словами голову задурить, а дочка сразу ложь, фальшь и гнильцу чует. Не только романа, знакомства толком не вышло.

Надя, как увидела Ярика, сразу из дома сбежала. А потом по секрету призналась, что тухлятиной от него пахло и цветом он весь, как плесенью подернутый. Можно было бы, не знай Вера дочь, подумать о вранье, но через месяц парень под следствием оказался. Будущий медик попался на краже лекарств в больнице.

– А еще я видела... или слышала, – Надя застыла с поднятой ногой и замерла в процессе смены уличной обуви на домашние тапочки.

Взлохмаченная цапелька с вытаращенными глазками получилась подозрительной. И мама снова чуть-чуть насторожилась. Куда опять влипла ее Надька? И что ей, чуду в перьях горемычному, привиделось?

Надя попыталась неловко, потому что слова любого языка скверно подходили для передачи сверхъестественных впечатлений, заговорить. Описать словами эти внутренние ощущения, несвойственные большинству людей, было почти невозможно. Если никто до нее этого не описывал, не выдумывал звуков и символов для передачи подобной информации, то куда ей?

С литературой, как и с любым другим видом искусства, у девушки отношения хронически не складывались. На сцене или экране актеры разыгрывали одно, а она со своим вкусоцветовосприятием реальности видела совсем другое. Любовь на словах, а цветные ниточки, сполохи вокруг людей говорили о неприязни, равнодушии или вообще о болях в животе. И как такое смотреть?

Книги же... Фактически Надя не могла читать их так, чтобы наслаждаться перипетиями сюжета, переживать за героев, потому что опять-таки видела свое. Видела каждую лживую строчку, темными кляксами марающую даже самый увлекательный для остальных текст. Большинство признанных классиков прочно вошло в топ неприязни Последней Надежды. Потому что если автор пишет о высокой нравственности, а наружу выступает ханжеская немощь старика, то о каком назидательном эффекте может идти речь?

Нет, конечно, и среди признанных гениев были истинные. Девушка любила музыку Моцарта, стихи Пушкина, прозу Чехова. Но на одного автора, который творил именно так, как чувствовал и думал, приходилось с сотню врунов. Вот такая беда, которую объяснить требующим на уроке ответа учителям не представлялось возможным.

Мама выслушала рассказ терпеливо, как слушала любые речи, казавшиеся неподготовленному человеку сущим бредом. Но на сей раз вместо понимания на лице Веры выступили замешательство и жалостливое сомнение.

Выдуманные друзья у Веры Анатольевны Последней где-то в подкорке были прочно записаны в число признаков помешательства. И вот теперь ее необычная девочка вещала о каких-то силах, поведавших об исключительной Надькиной избранности. Ой-ой! Мысленно Вера принялась листать записную книжку и искать знакомых, способных свести с хорошим доктором.

На ум приходил только добрый приятель – одноклассник Ванечка, ставший главным врачом областной психбольницы. Но даже встревоженной маме начинать поиск подходящего лекаря с Ванюши показалось чрезмерным. В конце концов, не бегают же ее девочка с топором по улицам?! На людей не кидается?! Может, с подружкой начнет общаться, так всю дурь из головы выдует?

Потому Вера сделала вид, что не обратила внимания на путаный рассказ дочери, а та, глянув разок на мать, поняла: убеждать и что-то доказывать бесполезно. Да и нет у Нади таких доказательств, чтобы в руках подержать, потрогать, на зуб попробовать. Красивый кулон, полыхающий в ее глазах всеми красками радуги, для любого другого лишь безделушка абстрактной формы.

А надо ли доказывать? Привыкшая делиться самыми интересными новостями с мамой как с единственным близким человеком, Надежда вздохнула и прикусила язык. Кажется, отныне общение с Силами будет ее личным делом.

Может быть, это и правильно? То, что случается вне мира, и должно оставаться вовне? И пусть мама не видит, не чувствует и никогда не услышит Сил Двадцати и Одной, никогда не воспримет мир так, как это само собой происходит у Нади. Не так уж это и важно! Главное, ее любят и готовы если не верить каждому

слову, то принимать такой, какая она есть, со всеми выдуманными и реальными закидонами. А еще варят любимые супы!

Черпая ложкой желтую гущу разваренного до пюре гороха, Надежда снова задумчиво улыбалась своим мыслям. Мама Вера сидела напротив, подперев щеку ладонью, и смотрела на дочку.

Глава 2

Раз пошли на дело...

Через полчаса, после ужина и задушевного разговора с мамой, Надя отлучилась в туалет. Когда она пребывала в уголке задумчивости, ощутила подозрительное колебание не то воздуха, не то энергетического поля, или как это еще должно называться с метафизической точки зрения? Пока девушка сообразить и точно идентифицировать происходящее оказалась не в силах. Зато она явственно ощущала малиновую вину, смущенное мерцание и радужные переливы на периферии зрения. Первым делом Надюшка перешла из санузла в свою комнатку. Силам, может, и все равно, а ей беседовать с ними на толчке как-то не комильфо.

– Добрый вечер, – первой поздоровалась Надя.

– Ты сердишься? – Обижена? – Боишься? – робким разноголосым хором уточнили незримые обычным людям собеседники.

– Нет. На что? – удивилась девушка, отвечая разом на все вопросы.

– Тебе было плохо! – Мы не подумали! – Не рассчитали! – Информационный канал подали, слишком широкий для человека... – взхлеб затараторили Силы Двадцати и Одной, по привычке вопя всем хором из двух десятков единых голосов.

– Зато я столько сразу поняла, узнала и почувствовала, – постаралась утешить Надя тех, кто явно переживал не только за успех своей миссии, но и за ее

здоровье. – Я вообще не понимаю, как вы смогли мне столько всего разом объяснить и показать. Это стоило небольшого дискомфорта!

Почему-то Наде казалось, что от присутствия Сил к ней идет уютное пушистое тепло. Не могли ее новые знакомые сознательно желать ей зла, а потому и упрекать их по большому счету было не за что. Не смогли просчитать результат, вот и вышло – «хотели как лучше, а получилось как всегда». Хотя и как лучше, кажется, тоже случайно получилось и, пожалуй, даже лучше, чем хотели.

– Если бы я всего того, что вы мне разом открыли, не поняла, то и вас понимать толком не смогла бы. В моем мире люди такого не знают. А еще, мне кажется, я теперь вас и без кулона на груди отлично почувствую.

Девушка для проверки сняла подвеску. Положила ее на полочку, отступила на шаг и довольно улыбнулась:

– Точно! Ничего не изменилось! Я ощущаю ваше присутствие и слышу вас.

Мысленно Надюшка возликовала: случись ей потерять волшебное украшение, связь с Силами не исчезнет.

– Кулон – старый след!.. – Хранил отпечаток проводника!.. – Пробудил!.. – Открыл доступ!.. – Не нужен больше... – Ты сама проводник и путь!.. – снова восторженно загалдели Двадцать и Одна.

– Только сомневаюсь, нужна ли я вам и смогу ли чем-то помочь... – закончила Надя свою мысль.

– Ты сможешь, – с абсолютной убежденностью объявили новые знакомые и, вероятно, потенциальные работодатели Надежды. – В природе твоей восстанавливать Ткань Мироздания, расплести неправильные узлы и штопать прорехи!

На сей раз Силы были единодушны в своих утверждениях, и голос опять звучал как один, без намека на немалое число собеседников.

«Какая-то мистическая супершвея получается», – мысленно фыркнула Надя, но пререкания оставила. Уж больно интересно все было! Нужна Силам загадочная швея, она ею будет, если сможет. Ведь так здорово ощущать себя частью чуда, быть рядом с ним.

Обрадованные Силы Двадцати и Одной взорвались немыслимым вихрем энергий и цвета, от которого в нетренированной голове девушки зашумело, как от бокала вина, и похвастались:

– Мы нашли законника! Можно начинать работу!

– Нашли? Когда и как нам встретиться? – деловито уточнила Надя.

– Зачем? – удивились бесплотные собеседники. – Мы развернем экран связи! – Вы сможете общаться! – Прямо сейчас!

Прежде чем девушка успела что-то спросить про загадочный экран, его действительно развернули и включили. Осталось только мысленно порадоваться, что она не завела разговор с Силами в туалете, а то, пожалуй, экран ее новые странные знакомые могли включить и там. Словом, девушка мгновенно увидела мужчину. Не слишком опрятного, полного и едва ли трезвого, судя по большому бокалу, двум бутылкам на столе и одной их товарке, притаившейся между ножками стула.

– Дарсен Виндер, – торжественно представили свою находку Силы.

Тот, как раз потянувшийся сделать очередной глоток из бокала, поперхнулся не то недопитым вином, не то воздухом. Закашлялся и просипел:

– Предупреждать надо, о Великие!

– Надежда, это лучший знаток законов основных миров Узла нашего Уровня и нескольких сопредельных.

– Очень приятно, – вежливо, все-таки дареных юристов алкотестером проверять не принято, поздоровалась девушка.

Зато «дареный юрист» тактичностью и вежливостью не страдал. Бумкнув бокал на стол, впился взглядом в худенькую фигурку Нади и уточнил:

– Это, что ли, ваше сокровище? Какое-то оно заморенное и страшненькое. Ее что, луну не кормили?

– Я сама ем, – пропыхла Надя, пытаюсь понять, нравится ей комковатое переплетение цветов и вкуса, олицетворяющее Дарсена Виндера, или нет. Какое-то оно оказалось спутанное и будто подернутое не то пылью, не то ржавчиной или вовсе накипью. Будь юрист кастрюлькой, в руки так и просился бы какой-нибудь убойной эффективности гель, отмывающий все.

– Видать, плохо получается, – сварливо резюмировал юрист.

– Ну... не у всех же есть выходит, как у тебя пить, – неожиданно для себя огрызнулась Надя, и Дарсен в ответ не обиделся, а удивительно звонко, по-мальчишески, расхохотался, одним махом отодвигая бокал и бутылку на край стола. – Уела! Итак, к делу! Чем озадачите, о Великие, скромных смертных?

– Мы не знаем, как поступить, – совершенно по-человечески или искусно подражая людям, признались Силы Двадцати и Одной. Хоровой вздох, раздавшийся одновременно и вразнобой, был весьма эффектен.

– Конкретнее, – потребовал подробностей законник, откинувшись на спинку высокого кресла, и прикрыл глаза, готовясь к работе.

– С нас требуют денег, – конкретизировали Силы.

Юрист, настроившийся выслушать серьезную проблему, снова поперхнулся не то остатками вина, не то воздухом.

– С вас? И кому же и с какого перепоя этакая гениальная мысль взбрела в голову, о Великие?

Силы снова вздохнули и принялись рассказывать, одновременно являя или транслируя (с точностью определения Надя затруднялась) картинки-кадры иной реальности.

Оказывается, у Двадцати и Одной, как у практически любого бога в мирах, имелись свои храмы, открытые для доступа любому желающему. Издревле в храмы допускались все, и никогда за право ступить под их своды ни с кого не требовали денег. Силы вообще не занимались сбором пожертвований и приношений. Зачем им, бестелесным, материальные ценности? Если что надо, они материализуют, нарушая извечный людской закон сохранения энергии: «Ничто из ничего не берется». Еще как берется, если знаешь способ и обладаешь должным могуществом.

Так вот, один из храмов Сил Двадцати и Одной располагался на землях условно ничейных, то есть принадлежащих им с давних пор, и соседствовал с владениями смертного. Его заливными лугами.

Надежда и, наверное, Дарсен тоже, узрели величественное, весьма эклектичное здание из светло-серого с проблеском радужных искр камня, каким-то чудом умудрявшееся выглядеть гармонично при всем диком смешении стилей от строгого классицизма до причудливого не то рококо, не то барокко в сочетании с немыслимой этникой.

Таким был храм Сил Двадцати и Одной, гостеприимно распахивающий врата любому паломнику. Раскинулся он на разнотравных диких лугах под невероятно ярким синим-синим небом.

А поодаль лежали заливные луга собственника-жалобщика. Также вроде как зеленые и сочные, но лишенные того буйного разнообразия, каким могли похвастаться прихрамовые территории. Одни луга перекачивали зеленые волны, другие служили для выпаса забавных животных, чем-то похожих на крупных коз с разноцветной (синей, зеленой, голубой, оранжевой, желтой) шерстью.

Именно эта территория и стала камнем преткновения. Ушлый травовладелец посмел утверждать, что паломники топчут его прекрасные луга и пугают скот, когда прутся в храм. В качестве компенсации он потребовал с Сил плату в звонкой монете.

Вроде и не очень большую, но постоянную. Опять же – прецедент. Одному заплатишь, второй счет выкатит, а там такими долгами обрастешь, что никаких сверхъестественных способностей к материализации ценностей не хватит.

Примерно так пробормотал юрист себе под нос, почесывая лоб, и предложил совсем не юридический метод:

– Если этого хвата в другую инкарнацию отправить, потомки посговорчивее не будут?

– Зачем? – нахмурилась Надя, не одобряя простейшего решения. – Лучше телепорт построить. Пусть паломники прямо к храму переносятся и лугов не топчут.

– Идея, но лучше доработать, – снова энергично потер лоб Дарсен. – А скажите-ка, Великие, вы местность вокруг храма, в том числе те луга, не облагораживали?

– Болота там были прежде, – скромно согласились Силы.

– Отлично! – потер руки юрист. – Тогда и телепорт стройте, и благословение свое с лугов снимайте. Пусть снова болотом становятся. И не вы этому ловкачу, а он вам заплатит за то, чтобы все в прежнее русло вернулось. Только табличку-упреждение у телепорта повесьте, что далее земли свободны от ваших милостей сообразно с волей владельца, потому ступающий на них делает сие на свой страх и риск.

Надежда с восхищением уставилась на законника и протянула:

– А так – правильно!

– Ха, не зря полтора века с кляузами копался, – приосанился советчик.

И вид его в заляпанной вином и чем-то жирным рубашке уже не казался Наде комичным. Какая разница, как выглядит специалист, если он помогает? Серо-зеленые глаза юриста сверкали, с них будто пенка стылого безразличия спала.

А Надюшка тихо радовалась, что пока помогать ее новым знакомым несложно и интересно.

Глава 3

Чудеса продолжаются

В субботний день у утомленных рабочей неделей хозяек нет шанса предаться лени на диване перед телевизором. Суббота – это в первую очередь возможность переделать все многочисленные домашние дела, на которые в будни не хватает ни сил, ни времени. Надя обычно помогала матери с уборкой и готовкой, но сегодня не успела. Только пыль вытерла, как в дверь требовательно и задорно затрещали. Младшая из Последних кинулась открывать. На пороге мячиком подпрыгивала Люба.

– Хай! О, а это твоя сестра, Надь? Нет, мама? Что, правда? Здравсьте! Никогда бы не подумала! Я и Надьку-то поначалу за школьницу приняла, если бы Толька ее одноклассницей не назвал, ни за что бы не догадалась. А вы такая молодая, прям студентка!

Вера, чью худосочную комплекцию унаследовала Надька, довольно заулыбалась. Новая знакомая дочери не льстила нарочито, пытаясь втереться в доверие, она просто трепала языком первое, пришедшее на ум. Веселая и заводная девчонка с задорной стрижкой пришлась маме по нраву. Она не просто с легким сердцем отпустила, а буквально вытолкала Надьку в парикмахерскую. Там, как протараторила Люба, их ждали к половине одиннадцатого. Как раз успеют пройти прогулочным шагом пару кварталов.

Салон с претенциозным названием «Шик» обосновался на углу улиц Пионерской и Революции, что, по мнению владельца, придавало заведению дополнительный колорит. Какой революционный шик нашла в парикмахерской ее новая знакомая, Надежда не знала, но была внесена в дверь силой компактного, но очень мощного цунами. Ой, недаром этим сносящим все на своем пути волнам издавна принято давать женские имена! Любовь своим запасом бурной энергии вполне соответствовала паре-тройке стихийных бедствий.

Болотова влетела в «Шик» как к себе домой. Весело затараторила с порога:

– Хай, девчата! Погодка-то какая, не сентябрь, лето дубль два! Теплынь сказочная! Мы к Сане записаны на пол-одиннадцатого!

– Привет, Любаш, – заулыбались девушка с ресепшена и, вероятно, свободная пока парикмахерша. – Проходи!

Люба подхватила Надьку под локоток, оттащила плащик на вешалку в уголке и уверенно поволокла подружку за собой – налево, в зал. Там деловито постукивал какими-то пластиковыми флакончиками, расставляя их на полке ровными рядочками, бугай с коротким ежиком волос.

– Хай, Сань!

«Это Саня?» – вылупилась Надежда на рекомендованного специалиста.

Почему-то при слове «Саня» у нее в голове возникал образ девушки Александры, на худой конец рисовалось нечто томно-бесполое, вроде телевизионного знаменитого стилиста с десятком пластических операций в анамнезе. А этому «золотцу Сане» было самое место в спецназе или на ринге, но никак не в салоне, с ножницами и расческой наперевес.

Саня оказался brutальным Александром определенно мужского пола. Пах он почему-то свежим березовым соком и прохладным вечерним ветерком с реки. Парикмахер подчеркнуто аккуратно поставил на полочку очередной флакончик с загадочным молочно-белым содержимым, развернулся к визитершам и пробасил:

– Любаша, привет! Подружку привела?

– Точно-точно, – расплылась в улыбке Люба. – Преврати ее не просто в хорошего человечка, а в красивую девушку! Ты сможешь, Саня! Покрась Надю в платиновый! Сделаешь? А мне чуток лохматушки подправь.

Большой Саня подошел к Надежде, очень внимательно осмотрел ее, взял прядку волос в пальцы, потер, почти нежно пробежал здоровенной лапой по голове, ероша волосы, и вынес вердикт:

– Нет!

– Чего? – опешила непосредственная Любка, не ожидавшая от Сани такой подставы.

Надежда не удивилась. Это только в детских сказках и мыльных сериалах всякие визажисты и косметологи легким движением пальцев делают из чудовища красавицу. С ее странноватой внешностью и блеклыми тонкими волосенками на чудесное преображение можно не рассчитывать. Во всяком случае, без пластической операции и на те скромные средства, которыми располагает семья Последних.

– Нельзя ее в платиновый, цвет кожи и глаз убьет напрочь. Я по-другому сделаю! – низким, на грани вибрации, пробирающим весь организм голосом пробасил Александр. – Прошу в кресло, Надежда!

– Так бы сразу и сказал, а то еще пара секунд, и у меня инфаркт миокарда приключился бы, как моя бабка говорит, – выпустила набранный для возмущенного вопля воздух Люба, сдувшись проколотым шариком.

– Садись, журнальчик полистай, – с небрежной бесцеремонностью велел приятельнице Саня, легким толчком могучей лапы отправляя ее в уголок, к креслу и журнальному столику, заваленному грудой яркого глянца. – Когда стрижку закончу и краску нанесу, займусь твоей головой.

– Пасиб, ты настоящий друг, чебурашка, – расплылась в улыбке Люба, с разгона плюхаясь в жалобно скрипнувшее кресло.

Взгляд темно-карих глаз парикмахера устремился на Надю. Девушка почувствовала себя тушкой курочки, которую изучает повар, прикидывая, какое съедобное блюдо реально приготовить из эдакого нескладного заморыша.

Но тут Саня неожиданно по-доброму улыбнулся. Его грубо вылепленное лицо, которое больше подошло бы грозному боксеру-тяжеловесу, словно осветилось улыбкой. Весь он будто засиял, заискрился вдохновением.

– Садись, Надя. – Александр довел клиентку до рабочего кресла, набросил на нее защитную клеенку и принялся колдовать. По-другому нельзя было назвать то, что он творил своими большими ножницами, расческами, тюбиками и иными приспособлениями, и названий-то которых девушка не ведала.

Саня, мурлыкая что-то незнакомое под нос, с небольшими перерывами ворожил над головой клиентки несколько часов. Но вечностью время пребывания в

салоне Наде не показалось. Она как зачарованная наблюдала за работой мастера. Сосредоточившись не столько на личном ожидании чуда, сколько на том, как действует Александр.

Он красил не только волосы, еще решил подправить брови клиентки. В перерыве, когда таймер покраски отсчитывал время, парикмахер успел подновить стрижку Любки. А теперь, смыв последнюю краску, сушил феном голову Нади.

Чуть слышно скрипнуло кресло, разворачиваясь к зеркалу. Восхищенный свист новой подруги послужил сигналом для Надежды. Она торопливо подняла взгляд и замерла, разглядывая отражение незнакомки. У нее были странные, переливчатые – белые, золотые, пшеничные – прядки волос, окружавшие личико-сердечко пушистым облачком. Ровные дуги золотистых бровок сделали лицо Нади гармоничнее, а взгляд выразительнее.

– Саня! Ты волшебник! – первой очнулась Любка. – А ты, Надька, теперь красавица, хоть сейчас на подиум!!!

Надежда не ответила. Она изучала отражение. Это создание там, за стеклом, по-прежнему мало походило на человеческую девушку. Но и странным зверьком-заморышем уже не являлось. Скорее возникали ассоциации с другими расами и иными канонами красоты. Может же нам нравиться кошка, птица или собака?

Так и это странное чудо с переливчатыми волосами и веснушками, засиявшими от изменившегося цвета волос как маленькие солнышки, нынче уже не должно было вызывать у окружающих задумчивую оторопь из разряда «это что за чудо в перьях?». Фраза сократилась до вполне милого «Это что за чудо?».

Серо-голубые глаза, обретшие новую выразительность, уставились на Саню с восхищением.

– Спасибо, мастер! – выдохнула Надя.

И столько в ее голосе было благоговейного восторга не своей новой внешностью, а его искусством, приведшим к чудесному преображению, что Александр смутился. Почесав коротко остриженный затылок, мастер пробасил:

– Это вроде как моя работа. Недели через три зайди, брови подкрасить надо будет, заодно проверю, как на волосах краска лежит. И, Надь, если разрешишь фото для альбома образцов сделать, то я скидку в тридцать процентов оформлю. Больше не могу, краска дорогая.

– Соглашайся, Надюха! – встряла Люба. – Одно фото, и будет на что в кафешке твой новый имидж отметить! А номера краски ты нам дай, Сань, я Надьке потом сама брови подкрашивать буду!

– Хорошо, – смущенно согласилась Надежда на все предложения разом, нет-нет да и косясь с зеркало. Ее терзали смутные сомнения насчет узнаваемости. Мама-то точно опознает, а вот на работе, наверное, придется у турникета охраннику пропуск предъявлять. Очень уж значительным оказалось преобразование. Хотя, наверное, всегда можно убрать волосы в хвостик и показать уши. Такие, оттопыренные сверху, как у нее, точно редкость!

Из «Шика» Надя выходила с облегченным кошельком и счастливой улыбкой. Она улыбалась и в кафе при скверике, куда ее затащила подруга. Правда, от пирожных и куска чизкейка отказалась. Не любила сладкое и кофе с чаями. Для Надюши лучшим тортом всегда была рыба в любом виде, а лучшим напитком сок. Все равно какой, но желательно с кислинкой.

Так что Люба уминала пироженки с зеленым чаем, а Надя лакомила красной рыбкой под сырно-помидорной корочкой и апельсиновым соком.

На периферии вздыхали, полыхали зарницами и искрились волнением ее вчерашние знакомые. Но все эти трепетания происходили в отдалении, поздороваться или что-то спросить Силы не спешили.

Надежда же наслаждалась тройным чудом: во-первых, у нее теперь совершенно точно появилась подруга, во-вторых, новая прическа и, в-третьих, но тоже в очень главных, совсем рядом происходило истинное чудо. И пусть его никто не ощущал и не видел, девушке хватало того, что видела она! К тому, что люди очень многого не чувствуют и не видят или не хотят видеть, чтобы жилось проще, Надя давно привыкла.

Трепетания и колыхания вперемешку со вздохами становились все настойчивее. В конце концов Надежда не выдержала и, когда на тарелке осталась лишь

одинокая случайная косточка от рыбного филе, отлучилась в туалет.

Стоя перед тихо гудящей сушилкой в пустом помещении, девушка вежливо полюбопытствовала:

– Вы по работе пришли? Что-то срочное?

Смущенное колыхание пространства с привкусом лимона стало ответом. Дескать, не то чтобы срочно, но если есть возможность...

Но все эти тонкие нити случайных ароматов перебивало ощущение удивленной радужной радости, исходящее от Сил. И сама Надежда светилась сейчас отраженной радостью. Радостью приобщения к чуду. Ничего иного, вроде чувства собственного превосходства или жажды наживы, в девушке не было. Но что возьмешь с чудачки?

– Хорошо, я постараюсь освободиться побыстрее, – пообещала Надя и поспешила вернуться к подруге, на ходу пытаясь подобрать слова, чтобы не обидеть Любу и побыстрее закончить приятные посиделки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/firsanova_yuliya/chudachka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)